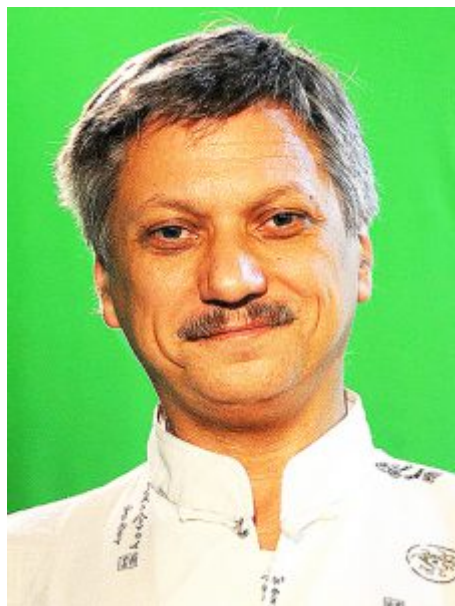

Книжка дорогая и любимая

Олег Фочкин

В книжных магазинах детские полки всегда самые яркие и привлекательные. Однако стоят они часто столько, что посмотрев на ценник, родитель грустно качает головой и отходит или, в лучшем случае, выбирает что-то одно.

Почему? Причин много. Во-первых, дорожает все, и детские книги не исключение. Во-вторых, для того чтобы издать книги для малышей или подростков, мало найти автора или заплатить за авторские права и перевод. Детская книга требует гораздо большего внимания. Вы же выбираете не просто книгу, а книгу в хорошем оформлении, с красивыми иллюстрациями, которые тоже нужно заказывать и оплачивать. Все это стоит дорого и повышает себестоимость книги.

При этом тиражи книг за эти годы не выросли, несмотря на победные реляции чиновников, ежегодно рапортующих о росте наименований книг и общего тиража. Буквально на днях довольно известный детский издатель радостно сообщил мне, что перед Новым годом продал аж 42 тысячи книг одного очень популярного автора. И это не продажи одной книги, а суммарный подсчет всех

книг, включая и ранее выходившие, и новые. Разве это много? Вспомните, еще каких-то 20–25 лет назад тираж в 50 или 100 тысяч экземпляров считался средненьким. Сейчас и пять тысяч зачастую считают большим достижением. Все это также влияет на ценообразование. А еще полиграфические услуги и, самое главное, доставка книг в регионы.

Как можно изменить ситуацию? Нужна господдержка детского и юношеского книгоиздания. Нужно льготное налогообложение, гранты, покупка государством или муниципальными образованиями детских книг для школьных и детских библиотек. Но сами издатели не верят, что такое возможно.

Что остается? Выкраивать деньги из семейного бюджета или искать бесплатные или дешевые книги в соцсетях и интернет-магазинах. Может быть, наши дети поймут, что литературу нужно поддерживать и помогать ей, чтобы незнайки и недоросли не сошли с книжных страниц в нашу жизнь.

Олег Фочкин

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

Прекрасная Франция

Нынешний год объявлен Годом русского и французского языка и литературы. В марте Россия станет Почетным гостем на Парижском книжном салоне. В Париж приедут более тридцати российских писателей. Ни в одной стране мира современная русская литература не переводится так широко, как во Франции. В рамках салона пройдут юбилейные мероприятия: одно – посвященное 150-летию Максима Горького и второе – «круглый стол» к 100-летию Александра Солженицына.

Павел Басинский

Как относились главные юбиляры этого года Высоцкий, Маяковский, Горький, Лев Толстой, Тургенев и Солженицын к Франции?

Ответ не такой простой.

У двух наших поэтов – Высоцкого (отмечаем 80 лет) и Маяковского (125 лет) – имя Франции связано с женщинами и... автомобилями. Франция для Высоцкого – это, конечно, прежде всего Марина Влади. В 1972 году она привезла ему в Москву его первый иностранный автомобиль – серый «Рено». И вроде в первый же день он попал на нем в аварию.

В октябре 1928 года в Париже Маяковского познакомили с Татьяной Яковлевой – единственной женщиной, которая могла бы составить конкуренцию Лиле Брик. Поэт уговаривал ее поехать с ним в СССР, но она благоразумно отказалась. В то же время одной из целей поездки Маяковского была покупка автомобиля для Лили Брик (сам он водить не умел). Это оказался тот же «Рено».

Но это для любителей «каравана историй». А если серьезно, то оба поэта многим обязаны Франции в творческом плане. В Париже в 1975 году, когда у Высоцкого на родине не вышло ни одной пластинки, он благодаря Влади и ее друзьям заключил контракт со студией Le Chant du Monde, где с композитором, певцом и музыкантом Константином Казански и гитаристом Клодом Пави записал свой первый альбом. 23 песни – за три дня! Увы, студия была тесно связана с французской компартией, и под давлением

Москвы готовый альбом лег на полку. Он вышел только в 1981 году, когда Высоцкого уже не стало...

На раннего Маяковского, несомненно, оказали влияние «проклятые» французские поэты, прежде всего Верлен и Бодлер. И как бы поэт ни издевался над «буржуазной» Францией в стихах и очерке «Париж», он, конечно, любил Францию и Париж. «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва» («Прощанье»).

Перейдем к прозаикам... Лев Толстой (отмечаем 190-летие), конечно, был франкофилом. Французский язык знал как родной и написал в дневнике, что иногда думает по-французски (проще сформулировать мысль). Единственным писателем, с которым он, по собственному признанию, соревновался, когда создавал батальные сцены в «Войне и мире», был Стендаль с «Пармской обителью». Не говоря о том, что «Анна Каренина» в строгом смысле является «ремейком» «Мадам Бовари» Флобера. Руссо и Паскаль – любимые философы Толстого. Вроде бы в юности он даже носил на груди портрет Руссо вместо крестика.

С другой стороны, Толстой воевал с французами в Крымской войне. В 1857 году во время первого заграничного путешествия он сначала бросился в Париж, но вскоре бежал из Франции, увидев публичную казнь на гильотине. Зрелище до такой степени потрясло его, что он не мог забыть о нем всю жизнь. И это тоже формировало его философию ненасилия и отрицания смертной казни.

Тургенев (отмечаем 200 лет) был абсолютным франкофилом. Любовь к Франции связывалась у него еще и с любовью к Полине Виардо. Он не только много жил во Франции, но и умер в Буживале, окрестности Парижа. Когда французские писатели провожали его тело на вокзале, где воздвигли специальную часовню, Ренан воскликнул: «Его устами глаголет Бог!» И первое зарубежное издание «Записок охотника» вышло во Франции. И нигде его не переводили так много и не ценили так высоко. Это был первый русский писатель, «прорубивший окно» в Европу.

Через Францию.

Но Толстой и Тургенев – аристократы. Здесь все понятно. Куда более удивительно, что из европейских стран более всех полюбил Францию Александр Солженицын. Вот его слова: «С Францией я испытал ошибку, противоположную швейцарской: насколько там должно было мне все подойти, а почему-то не подошло, настолько Францию, живя в СССР, я всегда считал себе противопоказанной, не по моему характеру, куда чужей Скандинавии, Германии, Англии, – а вот тут стало мне ласково, нежно, естественно, – если жить в Европе, то и не нашел бы лучше страны».

Зато у Максима Горького отношения с Францией складывались очень непросто. В 1906 году, раздраженный тем, что Франция дала царской России огромный кредит (шла первая русская революция), он написал беспощадный памфлет «Прекрасная Франция», где изобразил страну в образе женщины «бальзаковского возраста, еще не потерявшей надежду пленять мужчин». На вопрос, «говорит ли он по-французски», Горький отвечает Прекрасной Франции: «Нет, сударыня, я говорю только правду».

Однако это не помешало ему впоследствии дружить с виднейшими французскими писателями – Анатолем Франсом, Луи Арагоном и Роменом Ролланом. В 1935 году Роллан гостил у Горького в Москве. Есть забавная фотография, где они встречаются с комсомолками-парашютистками. Старички улыбаются и молчат, комсомолки что-то дерзко им говорят. Но свой «Московский дневник» Роллан запретил к публикации на пятьдесят лет, и в России он был напечатан лишь в 1989 году, отнюдь не только потому, что грянула «гласность» и стало «все можно». В этом дневнике Роллан сравнивает Горького со старым медведем «с кольцом в ноздре, которого водят на цепи для услады публики». Кстати, в том же самом 1935 году «великого пролетарского писателя» не выпустили в Париж на антифашистский конгресс. Так что Прекрасная Франция ответила Горькому в своей женской манере. Иронично и беспощадно.

Личное тело

Из всех видов транспорта я предпочитаю два: машину и самолет. Поезда и вертолеты не люблю.

И вот намечается поездка в Питер. Приглашающая сторона покупает мне билеты на самолет.

Ни приглашающая сторона, ни я понятия не имеем, что начало недели ознаменуется диким, рекордным и проч. и проч. снегопадом. Но лететь необходимо.

На телефон получаю эсэмэску про то, что ожидается снегопад, гололед и всеобщий апокалипсис. Судя по всему, дело серьезное. Но я вот про что думаю. Сколько раз приходили мне на телефон сообщения: гололед, снегопад, похолодания... Мол, сиди дома и не выходи. И никогда не приходило что-нибудь вроде: на улице чудесная погода! Тихо! Снежок! Не сиди дома, выходи гулять!

Негативные новости распространяются легко, позитивные никого не интересуют вовсе. И если уж рассказывать про плохое, то так, чтобы все задрожали. Этот вывод стал главным в эти снегопадные дни.

Впрочем, по порядку. Я смотрю новости: там меня страшат. По телевизору показывают стоящие в снежном мареве самолеты. Атмосфера сгущается. Жуть нагнетается. Смотрю в Интернете табло Шереметьева: пару отмены рейсов, все остальные вылетают.

Чему верить?

Негативные новости распространяются легко, позитивные никого не интересуют

Утром в самый снегопадный день еду в аэропорт. Ехать трудно. Дворники покрываются ледяной корочкой.

Ледяной дороги машина слушается лучше, чем руля. Едет куда хочет. Водители ведут себя вежливо. Об этом новости не сообщат. Трудности на дороге открывают лучшие качества людей, а не худшие. Вывод оптимистичный, но мало кого интересующий.

«В аэропортах – скопление людей, ожидающих задержанные рейсы», – сообщают мне новости по радио.

В аэропорту Шереметьево людей, как обычно, чтобы не сказать: мало. Все абсолютно спокойны. Регистрация происходит в штатном режиме.

Вообще, когда существуешь, ориентируясь на жизнь, а не на то, как о ней говорят новости, – жизнь становится намного спокойней и радостней.

Спрашиваю:

– Самолеты летают?

– Да, – отвечают мне. – С задержками, но вылетают.

Рейс задерживается на сорок минут. Нетрагично.

Открываю Интернет. Мне рассказывают про апокалипсис в аэропортах.

Объявляют наш вылет. Пассажиры со строгими и волнительными лицами садятся в самолет.

Посадка закончена. Сидим.

Летчик объявляет, что наш самолет должны покрыть антиледовым покрытием, а на обработку – очередь.

Стоим где-то около часа. Летчик и стюардессы говорят нам,

чтобы мы не волновались. В самолете недружелюбно. Желающим дают воду. Ожидание, конечно, дело малоприятное, но относительно комфортное.

Наконец стюардесса говорит радостно:

– Уважаемые пассажиры, наш самолет готов к взлету. Извините за задержку. Погода – сами понимаете.

Вполне, значит, по-человечески говорит.

Взлетаем. Общая задержка чуть больше полутора часов. Такое случалось и во вполне себе обычные дни.

Я сижу и думаю: почему новости – всегда! – так любят нас пугать и так не любят успокаивать.

Можно сказать: «В связи со снегопадом в аэропорту Шереметьево откладываются и задерживаются рейсы. Задержано столько-то рейсов». И это правда. А можно так: «В аэропорту Шереметьево задерживаются рейсы. Задержка составляет порядка полутора часов». И это тоже будет правда. Только первая правда нервирует, а вторая успокаивает. Те, кто делает новости, они вообще думают о том, как их слово отзовется?

«Сложная обстановка сложилась сегодня в столичных аэропортах» – эту фразу на протяжении двух дней я читал и слышал несчетное количество раз.

Конечно, снегопад есть снегопад, и для работников аэропорта обстановка была нелегкой. Но пассажиры ничего особого не ощущали. Ни в Шереметьево, ни в Пулково я не видел ни давок, ни очередей.

Будем считать, что мне повезло? Может быть... Но таких везунчиков в аэропортах было немало.

На следующий день снег обильно пошел в Питере. Тяжело добирались до Пулково. Водители были вежливы. Регистрация прошла вовремя. Вовремя сели в самолет. Ждали полчаса, пока расчистят взлетную полосу.

Летчик сказал:

– Уважаемые пассажиры, простите за задержку. Поверьте, я тоже хочу взлететь. Как полосу расчистят – взлетим. Не волнуйтесь.

Вот так говорил летчик. По-человечески.

Открываю Интернет. Читаю: «Авиасообщение между двумя столицами практически парализовано».

Взлетаем из Пулково на Москву.

Если представить себе, что новости из всех источников не рассказывали бы мне всякие ужасы про мою будущую поездку – поездка из Москвы в Петербург и обратно была бы абсолютно штатной. Новости не врут. Я говорю о серьезных новостях, в том числе и в Интернете. Новости расставляют акценты. Почему они это делают так, чтобы не облегчить, а усложнить мою жизнь, я не знаю.

Но я очень хорошо понимаю: если бы создатели новостей думали о том, как успокаивать своих читателей и слушателей, а не нервировать – мы бы жили в другой атмосфере.

Раньше казалось: смелость журналиста в том, чтобы рубить правду-матку, несмотря ни на что. Я думаю, что сегодня смелость журналиста, чтобы думать о том, как рассказать правду – именно правду – так, чтобы минимально взвинтить читателя-слушателя. Да, это иногда невозможно. Но когда возможно, почему не сделать?

Как говорится, «проверено на себе».

Андрей Максимов

RGRU

Марк Агатов. От журналистского расследования к «шпионскому роману»

Заслуженный работник культуры Республики Крым Марк Агатов – член Союза журналистов России и Союза писателей Крыма – работал в газетах «Коммерсантъ» и «Новые известия».

Марк Агатов – автор 24 книг, общим тиражом около 700 000 экз.

В 1991 году по мотивам его повести вышел художественный фильм «Игра на миллионы» (к/ст им. Горького).

Рассказ о себе и своих творческих планах Марк Агатов предложил в традиционной форме интервью. Он сам постарался угадать наиболее популярные вопросы читателей и ответить на них

– В 90-е годы вы десять лет проработали корреспондентом в газете «Коммерсантъ» в Крыму, отработали в аппарате Верховной Рады Украины двух созывов, были помощником-консультантом вице-спикера крымского парламента Г. Иоффе, депутатом евпаторийского горсовета – и все эти должности вы занимали, будучи гражданином России.

– Каждый житель Крыма мог приобрести гражданство РФ, если он родился на полуострове до 1953 года. Я воспользовался этим правом в 2000 году и стал гражданином России в числе десятков тысяч крымчан.

Я занимался журналистскими расследованиями, написал серию книг, в которых рассказал правду о тех, кто руководил Крымом. После выхода в свет книги «Премьер Куницын и его команда» я два года судился с Куницыным, который пытался изъять книгу из магазинов и библиотек. Часть тиража этой книги я передал депутатам Верховной Рады Украины. После этой книги меня и

пригласили в Киев.

– А как же российское гражданство?

– Я сообщил в Генконсульство РФ в Симферополе, что собираюсь продолжить журналистские расследования в Киеве. Там не стали возражать. В Киеве мне попали в руки документы о работе иностранных разведок на территории Украины, которые мне показались весьма интересными. Публиковать материалы журналистского расследования в газетах было небезопасно, и я решил написать «шпионский роман».

– А с агентами иностранных спецслужб вы тоже встречались, когда собирали материал для книги?

– В Киеве и Симферополе мне приходилось общаться с разными людьми, которые работали под крышей некоторых благотворительных фондов, или правозащитных организаций.

– Интересно, что Ваши шпионские романы сегодня продают и в США.

Почему они получили там «зеленый свет»?

– Потому что там нет Куницына и подобных ему борцов со свободой слова.

– Не переоцениваете ли вы роль иностранных спецслужб в событиях на Украине?

– Нет. Задача превратить русскоязычную Украину в националистическое украинское государство оказалась невыполнимой.

На всех выборах побеждали только те кандидаты в президенты Украины, кого поддерживали Крым и восток Украины.

В начале девяностых националистов на Украине было немного.

– Но стоило только Л. Кучме победить на выборах, как он ту же повернулся спиной к своим избирателям.

– Я полагаю, что Кучма рассчитывал таким образом заслужить

особое расположение Запада, но там он все равно оставался чужим, и его убрали.

– Сейчас с Кучмы вроде бы сняты все обвинения, он продолжает жить на Украине и даже участвовал в переговорах по Донбассу.

– С крючка западных спецслужб Леонид Кучма не сможет соскочить до конца жизни.

И в таком же подвешенном состоянии находится Леонид Кравчук, которого в его бытность президентом, обвиняли в разворовывании судов Черноморского морского пароходства. Тем, кому доступны документы по сомнительным сделкам тех лет, запустить эту информацию в прессу не составит большого труда. Поэтому Леонид Кравчук будет и дальше делать то, что ему предложат люди в штатском.

– На выборах президента Украины вы работали в избирательном штабе Виктора Януковича. Чем вы там занимались?

– Мы последовательно отбивали атаки штаба Юлии Тимошенко на Виктора Януковича. Для журналиста это был очень интересный опыт.

Мне удалось увидеть в работе американских консультантов, которые фактически руководили избирательной кампанией Януковича.

– В штабе Тимошенко тоже работали американцы?

– Да. Но там еще были люди Михаила Саакашвили. Они пытались сорвать выборы на востоке Украины, но сделать этого не смогли.

– Какая главная проблема была у Януковича на президентских выборах?

– Судимость. Во время выборов его обвиняли в грабежах, хулиганстве. Это были самые грязные выборы на Украине.

Я думаю, что на Украине все было бы иначе, если бы

русскоязычное население страны представлял законопослушный кандидат, а не ранее судимый Янукович. Но таков был выбор Леонида Кучмы. Трудно судить, о чем именно он думал, принимая такое решение, но его финал оказался трагичным для тысяч жителей Украины.

– И последний традиционный вопрос: над чем вы сейчас работаете?

– Я решил продолжить шпионскую историю. Только события происходят уже в наше время в Москве. Действие романа начинается с... А, впрочем, в свое время вы все прочтете сами.

Есть ли жизнь за Садовым кольцом?

Читая прессу, россияне интересуются вопросами, имеющими мало отношения к их частной жизни, но важными с точки зрения СМИ. К такому выводу после проведенного ею исследования пришла социолог НИУ ВШЭ Анастасия Казун. Анализировались публикации более 250 федеральных, 1000 региональных газет и около 500 журналов с января 2014 года по декабрь 2016-го.

Валерий Выжutowич

Выделив 884 события, о которых чаще всего писали СМИ, автор соотнесла их с опросами «Левада-центра» за этот же период, в которых респондентов спрашивали, какие события им запомнились больше всего. И 90 процентов «запоминающихся» событий оказались не связаны с повседневной жизнью людей. Это были события либо общероссийские, либо международные, связанные с Россией. Сильная переключка информационной повестки печатных СМИ с «запомнившимися» респондентам «Левада-центра» событиями любопытна еще и тем, что около 80 процентов россиян, по данным социологов, получают информацию преимущественно не из газет, а из телевизора.

Не могу тут не вспомнить одну очаровательную практикантку с факультета журналистики МГУ. Году, если не ошибаюсь, в 1977-м ее прислали в «Комсомольскую правду», где я тогда работал. Она была дочкой какого-то зарубежного собкора «Правды» и к своим двадцати успела поехать по заграницам. В отделе информации, в который ее определили, наша Валя, не выдавшая иных городов и весей, кроме Москвы и нескольких европейских столиц, дней десять маялась без дела, соображая, о чем бы таком написать. Наконец поделилась счастливой идеей: «Придумала! Я поеду в деревню и напишу, как там живут люди». Бедную девушку подняли на смех. Ее неопитская тяга к открытиям материков реальной жизни не получила достойного вознаграждения: в деревню Валу не послали. И не только по причине ее первобытной наивности. Главным образом потому, что репортеров, колесивших по сельским проселкам и по всей необъятной советской стране, в «Комсомолке» хватало и так. Полем профессионального самоутверждения, источником гонораров, пусть и не ахти каких, для большинства была командировка. Сегодняшняя же пресса вся заиклена на глобальных новостях, общероссийских и международных. Жизнь отечественной провинции на ТВ и в печатных СМИ либо напрочь отсутствует, либо представлена однобоко.

Судя по тому, какие события попадают в информационные выпуски телепрограмм, ежедневные газеты, и по тому, какие герои выходят в них на первый план, вся наша пресса – это сплошные новости столицы. Причем и столичная жизнь чаще всего ограничена тремя адресами: Кремль, правительство, Госдума. А главные герои – президент, министры, депутаты и неисчислимая армия чиновников. Их каждодневное бытие предлагается вниманию жителей Хабаровска, Чувашии, Кабардино-Балкарии и т.п. Нет, информация из провинции время от времени появляется. Но какая? Если весть из провинции, то, как правило, с губернаторского этажа, не ниже. Впечатление, будто былую журналистскую практику вывернули наизнанку. Прежде ведь позволялось сколько угодно (правда, без «очернительства») описывать жизнь «простого советского человека» и категорически возбранялось вторгаться в коридоры власти. Теперь наоборот. Теперь все новости и сенсации связаны только с чиновниками столичного или регионального калибра – провинциальный обыватель с его житейскими заботами и проблемами на роль ньюсмейкера не тянет. Сегодня в Москве можно насчитать едва ли больше двух-трех десятков журналистов, зарабатывающих себе на хлеб командировками. Пресса, которую мы еще по привычке именуем центральной, таковой не является. Это издания Садового кольца. И совершенно понятно, почему падают региональные тиражи московских изданий, а иные газеты, претендующие на статус общенациональных, вообще читателям неведомы. И точно так же понятно, почему завоевывает рынок региональная пресса, почему она вытесняет центральную. А поскольку все телеканалы тоже транслируют преимущественно столичные новости, то понятно, почему провинция так не любит Москву.

Тем не менее уровень доверия населения к СМИ, согласно исследованию, проведенному фондом «Медиастандарт» Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина и исследовательской группой «Циркон», в большинстве регионов России пока не опускается ниже 50 процентов. При этом телевизор смотрят все меньше жителей страны. Половина населения в целом доверяет СМИ. Самый высокий уровень доверия зафиксирован на Ямале (73

процента), в Севастополе (75) и в Крыму (78), самый низкий – в Ингушетии, Москве и Тамбовской области (58). Оказалось, что в большинстве регионов местным СМИ доверяют больше, чем федеральным. По этому показателю лидируют Москва (61 процент против 58), Санкт-Петербург (68 против 60), Московская область (60 против 59). Самый высокий уровень доверия к региональным СМИ зафиксирован в Свердловской и Воронежской областях (79 процентов), Чечне (78) и Тюменской области с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами (77). Лишь в 19 регионах (среди них Калмыкия, Тыва, Севастополь) показатель доверия к федеральным СМИ выше, чем к региональным. Меньше всего доверяют местной прессе в Дагестане (54 процента).

Дело еще и в том, что все, о чем сообщают региональные СМИ, имеет узкую географию, а федеральная пресса мало интересуется жизнью провинции. Но если Москва не знает, что происходит в Воронеже, а Воронеж не ведает, чем живет Новосибирск, происходит распад единого информационного пространства. А это не нужно ни федеральным, ни региональным властям, ни центральным, ни местным СМИ. И меньше всего это нужно населению, чье доверие к прессе пока не падает ниже 50 процентов, но и не растет.

Валерий Выжutowич

Николай Никифоров:
«Интернетизация не означает
вседозволенности»

*Глава Минкомсвязи **Николай Никифоров** в интервью РБК рассказал о подготовке к вступлению «закона Яровой», а также прокомментировал обвинения в адрес российских ИТ-компаний о вмешательстве в политику США*

– Отвечает ли действующее российское законодательство тем изменениям, которые происходят в сфере ИТ и связи? Со стороны участников рынка нередко можно услышать, что регулирование не успевает за развитием технологий.

□– В России действует одно из самых современных законодательств в области регулирования связи. За последние пять лет нам удалось внедрить множество новых принципов регулирования. Радиочастоты теперь распределяются по прозрачному рыночному принципу – через аукционы, [это позволило] привлечь в бюджет почти 15 млрд руб. Внедрили принцип технологической нейтральности – за счет этого Россия совершила быстрый рывок в развитии технологии 4G, высокоскоростного мобильного интернета. Несмотря на масштабы нашей страны, мы занимаем второе место в мире (лидер – Гонконг. – РБК) по самым низким ценам на мобильный интернет и сотовую связь. Мы оптимизировали плату за частотный спектр: раньше ее взимали с каждой базовой станции, что работало против качества связи и интересов абонентов, потому что оператор старался ставить поменьше базовых станций. Теперь плата взимается по территориальному принципу. Таких примеров много.

– Но, например, Медиакоммуникационный союз, объединяющий крупнейших операторов связи и медиахолдинги, недавно инициировал разработку инфокоммуникационного кодекса, который должен заменить все существующее законодательство отрасли. Как вы относитесь к этой идее?

– Хорошо, когда индустрия сама вносит предложения о том или ином регулировании. Идея инфокоммуникационного кодекса обсуждалась много раз и пять лет назад, и ранее. Главное, чтобы написание кодекса не стало самоцелью. Нужно понять, как от этого изменится жизнь в стране, какую пользу он принесет гражданам, бизнесу, экономике. Если такие составляющие в этом кодексе есть, он имеет смысл, если нет, то простая перекомпоновка юридических норм вряд ли целесообразна. Давайтеждемся предложений.

То, что мы видим большое количество разных норм, законодательных инициатив, связано с простым фактором – пять лет назад в России интернетом пользовались 46% населения, сейчас – около 75%. Десятки миллионов граждан России все время находятся в онлайн-режиме, выходят в интернет со смартфонов, планшетов и уже не представляют свою жизнь без этого. Меняются целые отрасли. При этом цифровизация, интернетизация, свобода передачи информации не означает вседозволенности. Инициативы законодателей направлены на то, чтобы вопросы безопасности, соблюдения прав и свобод граждан были перенесены в том числе и в цифровую среду.

– Некоторые инициативы в сфере регулирования обходятся участникам рынка достаточно дорого. Например, так называемый закон Яровой (обязывает операторов связи и интернет-компании с июля 2018 года хранить аудиозаписи разговоров и переписку пользователей) потребует от них серьезных затрат, и многие считают этот закон угрозой для всей телеком-отрасли. Вы с этой точкой зрения согласны?

– Мы находимся в открытом диалоге с операторами связи. Да, соблюдение антитеррористических поправок в законодательство потребует дополнительных инвестиций. Для крупнейших операторов речь идет о десятках миллиардов рублей. Весь мир и наша страна оказались в условиях сложной технологической гонки с международными террористическими организациями. Эти поправки – вынужденная мера, которую предложили законодатели, чтобы защитить наших граждан, таким образом мы исполняем закон. Он в

любом случае вступит в силу в этом году. Все нормативные акты будут в той или иной конфигурации приняты. Операторы знают, что зафиксировано в этих нормативных актах. Никаких радикальных изменений, связанных с вступлением в силу антитеррористического пакета, нет и не будет. □

– При упоминании «закона Яровой», как правило, речь заходит о «большой четверке», но есть малый и средний бизнес, который говорит, что для него это смерть.

– Нормативные акты проходили публичное обсуждение. Нельзя сказать, что кто-то остался в стороне. Капитальные затраты небольших операторов действительно могут быть более чувствительны, но закон гибкий, он позволяет реализовать изменения несколькими способами, в том числе в сотрудничестве с более крупными операторами.

– Более полугода в США звучат обвинения в адрес «Лаборатории Касперского», что компания сотрудничает с ФСБ, из-за чего ее продукты не должны использовать американские госорганы: якобы они могут представлять угрозу. Недавно ряд международных ИТ-компаний обвинили в сотрудничестве с российскими ФСБ и Федеральной службой по техническому и экспортному контролю: тот факт, что информация об уязвимостях доступна российским спецслужбам, якобы может нести угрозу для госорганов США, закупающих аналогичные продукты. Могут ли быть основания у таких обвинений? □

– Это не объективная оценка реальности, а продолжающаяся внутрисполитическая игра. Очень удобно все время показывать пальцем на мнимого внешнего врага, который куда-то вмешивается. Звучит много беспочвенных, даже глупых обвинений, например о сотрудничестве ИТ-компаний с теми или иными спецслужбами. Поверьте, антивирусное программное обеспечение проходит такие сложные экспертизы, что любые закладки и несанкционированное предоставление информации были бы мгновенно выявлены. Никто не стал бы рисковать своим бизнесом ради этого. Давайте посмотрим на то, как обрабатывается

информация. В основе есть компьютер, смартфон или планшет, на который установлена операционная система Google Android, Apple iOS, Microsoft Windows или Windows Phone. Они все произведены в США. Действия операционной системы остаются в тени, мы не можем их проследить. Из материалов так называемых разоблачений, которые были опубликованы в последние годы, мы увидели, что, оказывается, все эти компании (Google, Apple и Microsoft) плотно сотрудничают со спецслужбами, в том числе американскими. Они предоставляют незаконный доступ к информации миллионов пользователей (в 2017 году сайт WikiLeaks опубликовал данные ЦРУ США, в которых говорилось о глобальной программе для взлома устройств на операционных системах iOS, Android и Windows, чтобы превращать их в записывающие устройства. – РБК). Незаконный, потому что это не предусмотрено никаким международным правом. Мне кажется, что, когда появляются такие ни на чем не основанные обвинения, американские коллеги хотят обвинить других в том, что на самом деле делают сами.

Россия последовательно выступает за то, чтобы вопросы безопасного интернета, защиты персональных данных граждан были урегулированы на основе международных правовых актов. Мы подготовили конвенцию по безопасному интернету (первый вариант Правил поведения государств в сфере информбезопасности был подготовлен более 15 лет назад). Многие страны выражают солидарность и готовы ее поддерживать. Против таких документов выступают только так называемые западники.

– Есть ли со стороны правительства установка на то, чтобы все программное обеспечение и «железо» для хранения информации в России должны производить только российские компании? Достаточно ли у них мощностей и возможностей – по организации производства ряда компонентов у нас по-прежнему «чистое поле».

– Если речь о протекционизме и создании рынка сбыта в контексте антитеррористического пакета законов, – конечно, он есть. Я уже упомянул, что каждый крупный оператор потратит несколько десятков миллиардов рублей на оборудование для

хранения информации, чтобы соответствовать требованиям «закона Яровой». Сегодня степень локализации производства, может быть, не такая большая. Мы действительно не делаем целый ряд компонентов. Глобальное распределение рынка производства высокотехнологичных изделий таково, что мы никогда не будем делать 100% всех компонентов. Будем заниматься нашими ключевыми компетенциями – вопросами безопасности. Изначально все операторы взаимодействуют прежде всего с российскими интеграторами, российскими поставщиками конечного продукта.

Мы всегда были против каких бы то ни было ограничений или санкций. Единственное, где действительно применяем протекционизм, – это сфера государственных закупок. Мы считаем, что деньги российских налогоплательщиков не должны идти на приобретение зарубежных программных решений. В 2016 году заработал Реестр отечественного программного обеспечения, сегодня в нем уже более 4 тыс. российских программных продуктов. Мы не запрещаем государственному заказчику приобрести в том числе зарубежный продукт, но он должен объяснить эту необходимость. Антимонопольная служба может отменить тендер, потом с него спросит Счетная палата, возможно, закупкой заинтересуются правоохранительные органы. Благодаря такой мягкой силе протекционизма спрос на российские разработки в сфере программного обеспечения уже увеличился на миллиарды рублей. В России сильная ИТ-отрасль, есть собственные поисковые системы в интернете, социальные сети, разработки в области мобильных операционных систем, всемирно известных антивирусов и т.д. Очень небольшое число стран в мире может этим похвастаться.□

Читайте подробно на

Михаил Комиссар: «Информация – это не только новости»

Глава агентства «Интерфакс» Михаил Комиссар рассказал о сегодняшнем дне компании, которая за последние пятнадцать лет превратилась из традиционного медиа в одного из лидеров создания цифровых информационно-аналитических решений для управления рисками, работы на финансовых и товарных рынках.

– В сентябре 1989 года мы начали предлагать иностранным компаниям и диппредставительствам, находившимся в Москве, бюллетени наших новостей вместе с простенькими факсами, которые позволяли нам доставлять их клиентам. Отсюда и название, которое я тогда придумал, – «Интерфакс», – вспоминает Михаил Комиссар, – Мы стали всем клиентам предлагать такую услугу: семнадцать долларов в месяц за информацию и один доллар в день за аренду факса. Таким образом, «Интерфакс» стал и первым в СССР негосударственным новостным агентством, и первой компанией, сдававшей факсы в аренду».

Сегодня «Интерфакс» – международная группа. В нее входят около 40 компаний, которые собирают и распространяют информацию во всех странах, образовавшихся на территории СССР, а также продают ее по всему миру через компании в США, Великобритании, Германии и Китае. Если в начале 2000-х основной доход агентству приносили новости и аналитика, то сейчас 75 процентов выручки дают информационные сервисы, где слиты контент и IT.

Мы выбрали путь Рейтера и Блумберга

– За почти тридцать лет, прошедших со дня своего основания. «Интерфакс» пережил значительное репрофилирование. перестал быть чисто информационной компанией. Почему это произошло?

– «Интерфакс» действительно сильно расширил линейку своих информпродуктов, но я не назвал бы это репрофилированием. Информация – это ведь не только новости. Это довольно сложное, объемное понятие. Это то, что нужно человеку или структуре, чтобы они могли принимать решения, оценивать риски и возможности, делать прогнозы, удовлетворять свой интерес в чем-то. Поэтому news agency и information agency – это разные вещи. Когда Рейтер запускал своих почтовых голубей для передачи биржевых сводок, тогда все было достаточно просто и можно было словами описать то или иное событие. Но человечество развивалось, менялось, и, кстати говоря, тот же Рейтер – уже агентство – первым начал использовать электронные – в то время телеграфные – возможности для передачи информации, в том числе нетекстовой. Так вот, «Интерфакс» идет по пути Рейтера и появившегося на сто лет позже, но быстро ставшего одним из мировых лидеров Блумберга. Это – один из магистральных путей информационных компаний. Эти два агентства, начав как чисто новостные, с появлением новых средств коммуникации и новых видов информации стали информационными компаниями, которые дают своим потребителям не столько новости, сколько доступ к комплексной и глубокой информационной карт, не помогающей принимать те или иные инвестиционные решения.

Есть и второй путь. По нему идут Франс Пресс , ЭФЭ, ДПА, Ассошиэтед Пресс, АНСА... Эти агентства отдают приоритет новостям и сегодня находятся в сложном финансовом положении, их постоянно кто-то поддерживает, прямо или завуалировано дотирует, в ряде случаев эту роль выполняет государство. А мы с самого начала, понимая, что за нами нет ни государственного бюджета, ни олигарха с большими деньгами, были вынуждены рассчитывать только на свои силы. И поэтому выбрали путь

Рейтера и Блумберга.

Акцент

– Вы хотите сказать, что еще в конце 80-х видели «Интерфакс» в перспективе не только производителем новостей?

– Да. И здесь сыграла роль совокупность различных факторов. Я по образованию инженер, поэтому мне был интересен технико-экономический анализ. В Советском Союзе еще не было бизнеса, он только нарождался, а мы уже начали выпускать «Совет бизнес репорт» – первое издание о бизнесе в СССР. Мы первыми стали всерьез писать об экономике.

Мы первыми создали профильные отраслевые издания с оперативной рыночной информацией. Мы первыми пришли к пониманию, что аудитория, которой интересно читать, например, про нефть и газ, отличается от аудитории, которой интересно читать про банки и финансы. И мы стали развиваться в этом направлении. Вскоре стало понятно, что нашим клиентам нужна и аналитика, и у нас появился отдел экономической аналитики, это была новация в информационных структурах. К тому времени начала активно развиваться компьютерная техника, возник Интернет, мы поняли, что открываются новые возможности, и у нас появился первый IT-продукт. Мы его называли «ЭФИР» – «Экономика, финансы и рынки». Это была система, позволявшая анализировать рынок ценных бумаг, который стал тогда бурно развиваться в России. Появились биржи и люди, которые играли на бирже и которым важно было знать текущие котировки и историю конкретных акций, иметь информацию об эмитенте, понимать, насколько серьезен этот эмитент, не обанкротится ли он,

какие риски здесь возникают. Все это вынуждало нас углублять, дополнять содержание наших материалов, и это были уже не новости. Пошла статистика, пошла информация из самых разных источников, государственных и негосударственных, пошли сведения о доходах, активах, владельцах, менеджерах и т.п.

– Это именно то, чего ждали от вас бизнесмены первой волны?

– Сначала – только этого, то есть информации. Но затем новые запросы заставили нас заняться более глубокой аналитикой, с выходом на рыночные индексы, кредитные рейтинги, другие аналитические показатели, индикаторы, чтобы, посмотрев на одну цифру, можно было сказать, это надежная компания или нет, можно с ней работать или лучше воздержаться.

Постепенно потребности в серьезной информации появились и у более широкого круга компаний. В бизнесе возникали новые явления, например, подставные фирмы, фирмы-однодневки, из-за которых предпринимателей возникали налоговые риски. И мы придумали систему, позволяющую анализировать и минимизировать и эти риски – систему СПАРК. Ее пользователями стали и банки. Это сегодня тоже наш серьезный клиентский сегмент. Представьте, некая компания приходит в банк и хочет открыть счет, взять кредит. Банку нужно принять решение, стоит с этой компанией иметь дело или нет. Да, банк проводит свою экспертизу, но они должны быстро сделать хотя бы первичный отсев, и для этого используют, в том числе, наши решения. Набирают название компании, и у них появляется наш индикатор – «повышенный риск», «пониженный риск», «приемлемый риск». Мы анализируем многие сотни параметров, которые помогают понять: эта компания живая или мертвая, подставная или реальная, с ней можно работать или она вчера была обанкрочена. С крупнейшим мировым кредитным бюро Experian и Сбербанком мы создали ведущее кредитное бюро России – Объединенное кредитное бюро (ОКБ), которое анализирует риски физических лиц.

Есть и другие потребности бизнеса. Наша другая система – СКАН (Система комплексного анализа новостей, содержащая более 26 тысяч российских печатных и интернет-источников, скриптов телерадиостанций) позволяет проанализировать любую компанию еще и с точки зрения ее присутствия в информационном поле. Мы на это смотрим с позиции рисков: а может, у этой компании плохая репутация? Может, она бесконечно судится, у нее сложные владельцы, управленцы, за которыми тянется шлейф скандалов?

Таким образом, даже к оценке медийного поля вокруг компании мы подходим с точки зрения рисков и потребностей бизнеса.

Сегодня практически нет разделения между информагентствами и другими СМИ

– Как выглядит сегодня в России рынок информационных агентств и какую нишу на нем занимает «Интерфакс»?

– У информационного рынка сегодня почти не осталось внутренних и внешних границ. Практически нет разделения и между информационными агентствами и другими СМИ—и те и другие сегодня транслируют материалы в онлайн. Более того, в этот же сегмент вторгаются и социальные медиа. Что касается сегмента B2B, в котором мы работаем, то тут все больше исчезают различия между разработчиками IT-решений и поставщиками контента.

Из десятка частных агентств, с которыми мы конкурировали в 90-х годах, практически никто не смог сохранить свой независимый статус или не уйти с информационного рынка. Так что наша стратегия агрессивного выхода на новые для нас—хотя и смежные—рынки, как мы считаем, себя оправдала.

Сегодня чтобы выжить и успешно развиваться, российским структурам необходимо создавать конкурентоспособные продукты мирового уровня, за которые клиенты будут готовы платить. Идти в те сегменты информационного рынка, где есть растущий спрос на информацию. Двигаться от «информации-сырья» к электронным сервисам.

– В чем вы видите здесь ваше преимущество?

– Наше преимущество как профессионалов в области информации, во-первых, в том, что мы хорошо знаем источники и то, как с ними работать, как извлекать из них максимальную добавленную стоимость. Во-вторых, как информационное агентство мы всегда стремились быть максимально близки к клиентам, понимать, как с

помощью наших сервисов они могут решать свои очень конкретные и важные проблемы: заработать или не потерять деньги на финансовом рынке, эффективно управлять рисками, выполнять требования регуляторов, вести маркетинг или мониторинг СМИ. Возвращаясь к тому, о чем вы спросили... Мы в «Интерфаксе» развивали наши продукты в ногу с развитием экономики, появлением новых технических возможностей. Начав с новостей, мы ушли в область управления рисками, принятия инвестиционных решений и т.п.

Сегодня новости – неликвидный актив

– Новости для вас перестали быть приоритетным направлением?

– Новости, с которых мы начинали в 1989 году, в этом контексте по-прежнему важны, без них мы не смогли бы, например, создать полноценный сервис для участников финансового рынка. Однако рынок для них, и так не очень большой, постоянно еще больше сокращается, в то время как рынок для сложных аналитических решений с применением цифровых технологий постоянно растет. Сегодня новости вообще неликвидный актив. Кроме лучших на рынке новостей, мы предоставляем клиенту в одном пакете и биржевые данные» итструменты для анализа и управления рыночными рисками, и справочную информацию об эмитентах и так далее.

Сегодня новости дают нам примерно четверть доходов, и я думаю, что этот процент будет падать, потому что остальные сегменты нашего бизнеса растут гораздо быстрее.

– Почему новости сегодня плохо продаются?

– Потому что их стало очень много. Сегодня новости производит кто угодно, Интернет забит новостями. Интернет убивает новостной бизнес. Производить новости теперь очень легко. Входной билет на рынок очень дешевый. А когда мы начинали, войти на этот рынок было почти невозможно. Почему мы использовали факс? Потому что, если вспомните 80–е годы, до телетайпа добраться было невозможно: их ставили только в

ТАССе, Гостелерадио и двух-трех центральных газетах. Сегодня войти на рынок доставки информации очень легко. А дальше – кто во что горазд. Люди начинают сочинять свои новости, переписывать их другу друга, появились блогеры, которые могут компилировать информацию, выкладывать ее в телеграм-каналы, распространять в сетях. На этом общем фоне есть структуры, которые пытаются производить что-то достаточно серьезное. Причем это могут быть пять энтузиастов, которые сидят в каком-нибудь отдаленном городе и просто компилируют по Интернету информацию, создавая затем из нее собственный продукт. Если они обрабатывают серьезные источники, то могут сделать что-то похожее на достоверную информацию, например, по финансам или по энергетике, которая может кого-то заинтересовать. И тогда возникает логичный вопрос: зачем платить деньги, и немалые, если можно взять бесплатно?

– Добывать новости, особенно из государственных структур, стало легче или труднее по сравнению с первыми годами существования «Интерфакса»?

– Труднее.

– Власть стала более закрытой?

– Власть стала более организованной – я бы так сказал. Поясню. Не только власть – ни одна нормально организованная структура не любит, когда новости о ней распространяются неконтролируемо. Например, мне бы не понравилось, если бы новости из «Интерфакса» вытекали неконтролируемо. Мы нормальная хозяйствующая структура, у нас есть свои удачи и неудачи. И если информация о каком-то нашем проекте несанкционированно выйдет до того, как мы об этом сами захотим заявить, это может нанести нам определенный ущерб. То же и с властью. Если чиновник министерства выдает в СМИ информацию, которая потом наносит ущерб какому-то проекту, то кому же это понравится. С другой стороны, мы, журналисты, в интересах общества всегда пытаемся узнать в органах власти информацию, важную для общества. Часто бывает, что представители власти не хотят по своим

причинам ею делиться. Эта грань между желанием журналиста получить какую-то информацию и желанием чиновников сохранить ее в секрете – она очень тонкая. Здесь всегда происходит противоборство.

Мы будем заниматься новостями всегда

– Как влияет на «Интерфакс» кризис на рынке традиционных СМИ?

– В небольшой степени. Вообще надо понимать, что по мировым стандартам информагентства не являются СМИ. Потому что не работают с конечным потребителем – человеком. Мы работаем с юридическими лицами, которые являются ретрансляторами нашей информации – классическое информагентство с каждым таким клиентом заключает договор и получает от него деньги. А от чего зависят СМИ? Они зависят от рекламы. Во времена кризиса рынок рекламы падает, и кроме того, много рекламы перетекает в Интернет. Мы же в отличие от традиционных СМИ практически ничего не получаем от рекламы и мало зависим от нее. На нас влияют другие обстоятельства.

Например, в прошлом году около 400 банков потеряли лицензию. Многие из них были нашими подписчиками.

– Можно ли сказать, что «Интерфакс» – это Михаил Комиссар?

– Нет. Возможно, когда-то давно, очень короткое время так и было. А сейчас у нас работают около двух тысяч человек. Я непосредственно общаюсь с сорока-пятьюдесятью из них. Это руководители разного уровня. У нас очень квалифицированная команда менеджеров, которые ведут проекты, руководят своими коллективами. Они знают все детали процесса и в значительной степени автономны. Моя задача – координировать их действия.

– Похоже, все идет к тому, что «Интерфакс» со временем окончательно перестанет производить новости?

– Нет, мы будем заниматься новостями всегда, во-первых, потому что качественные новости были и всегда будут нужны. Да, делать на них бизнес непросто, но если ты первый и лучший, то рынок

для них есть. Во-вторых – мы профессионалы в новостном бизнесе и нам интересно им заниматься. Наконец, новости от «Интерфакса» – это бренд. Благодаря новостям нас все знают. В то же время мы понимаем, что возможности для дальнейшего развития нашего бизнеса лежат, главным образом, в сфере цифровых информационно-аналитических технологий.

**27 января 2018 г. основателю и
бессменному руководителю «Интерфакса»
Михаилу Комиссару исполняется 65 лет.
Поздравляем!**

По тексту **RGRU**
Валерия Выжutowича

Леонид Левин прокомментировал перспективы новых ограничений в Интернете

После трагедий в школах Перми, Челябинской области и Улан-Удэ некоторые законодатели по привычке назвали одной из главных причин случившегося недостаточный контроль за социальными сетями. В Госдуме сразу же были внесены и, можно не сомневаться, еще будут

внесены законопроекты, призванные ужесточить правила регулирования Интернета. Об этих инициативах мы поговорили с

главой думского Комитета по информационной политике, информационным технологиям **Леонида Левина** («СР»), который 23 января посетил редакцию «МК».

– 25 января созданный в Госдуме Экспертный совет по вопросам совершенствования законодательства в сфере обеспечения безопасности детей намерен обсудить идею дополнить перечень информации, которая может блокироваться в Интернете во внесудебном порядке, «информацией, которая побуждает детей к совершению противоправных действий».

Как вы относитесь к подобным предложениям?

– Трагедии, подвергшие реальной опасности жизнь школьников, приведшие к тяжелым травмам педагогов, вызывают естественную эмоциональную реакцию у любого из нас. Но в решении вопросов, имеющих долгосрочный политический и экономический эффект, мы не можем руководствоваться эмоциями. Любые новые предложения по блокированию и ограничению технических возможностей распространения информации должны рассматриваться с точки зрения их реализуемости. Если мы примем ограничения, которые окажутся неэффективными, это будет подрывать авторитет власти, и неважно, какими чувствами мы при этом руководствовались.

Говоря же отвлеченно о размножении законов, позволяющих блокировать различные формы контента, можно заметить, что тут важно не начать воспроизводить советский опыт, который очень ярко показал: можно де-факто запретить распространение любой неприятной информации, но при этом абсолютно доминирующими молодежными субкультурами сделать уголовщину и преклонение перед Западом. Печальный итог этого советского опыта должен быть предупреждением всем нам.

*– Тем не менее депутат **Виталий Милонов** («ЕР») на днях повторно внес в Госдуму законопроект, который предлагает регистрацию в соцсетях только по предъявлении паспорта, а если речь идет о детях, то лишь с согласия родителей. При этом с лета прошлого года в Комитете по информационной политике, информационным*

технологиям и связи лежит внесенный единороссами Сергеем Боярским и Андреем Альшевских законопроект, который требует от соцсетей под угрозой многомиллионных штрафов в течение суток удалять по требованию пользователя недостоверную, порочащую и противоправную информацию. Что вы можете сказать о перспективах этих инициатив?

– Регулирование социальных сетей в целом – это сложный технический вопрос, который должен обсуждаться со всеми заинтересованными сторонами с целью исключения вреда для интересов государства и общества. Инициатива коллеги Милонова представляется противоречащей российской конструкции регулирования Интернета. Отношение к ней уже высказали его коллеги по фракции, признавшие, что он не консультировался с ними до внесения документа в парламент. В данном законопроекте можно отметить и достаточно серьезные вызовы системе контроля защиты персональных данных.

Что касается законопроекта коллег Боярского и Альшевских – могу сказать только, что эта новелла, как и предложение Милонова, может послужить поводом для продолжения дискуссии на думской площадке о необходимости и целесообразности регулирования социальных сетей. В любом случае следует исходить из того, что такое регулирование должно помогать обществу и государству быть эффективными в условиях технологических изменений. Попытки запретить технический прогресс под самыми благородными предлогами этой задаче противоречат.

– Если говорить о законопроектах, которые находятся на рассмотрении в комитете, стоит вспомнить и вызвавший большой резонанс второй законопроект об иностранных СМИ-иноагентах. Он был принят в первом чтении 12 января. Он, как следует из текста, может быть применен в отношении СМИ любой страны.

– Работа над этим законопроектом продолжается. Мы должны поддерживать тех, кто интересуется нашей страной, нашими медиаресурсами или нашим языком. Это естественная

гуманистическая задача государства. Поэтому Россия всегда с крайней осторожностью реагировала на запреты распространения поступающей отсюда информации за рубежом, в том числе у ближайших соседей, и минимизировала взаимность и зеркальность в таких вопросах. В то же время беспрецедентные меры по избирательному преследованию российских СМИ в США вынудили нас пойти на создание достаточно сложного законодательства, позволяющего полностью воспроизвести все ограничения, которым подверглись Russia Today и «Спутник», в отношении американских пропагандистских ресурсов. Это чрезвычайная мера, и, надеюсь, не понадобится применять ее в отношении СМИ других стран. Кстати, преследования российских медиа показывают, что их информация востребована, а востребованность говорит о высоком уровне доверия аудитории.

Марина Озерова
23 января 2018 г.

